

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО «КОНЦЕПТУАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА»

Т.А. Янссен-Фесенко

Аннотация. Исследуется диалектическая основа современного европейского «концептуально-культурного ландшафта», выявляются его характерные особенности через призму исторической памяти, а также изучаются теоретические концепции формирования европейского культурного «канона» как базовой константы европейского концептуального сознания. Подчеркивается обоснованность позиционирования Европы как «континента религиозного плюрализма». Делается вывод о необходимости создания модели мультикультурной и мультилингвистической Европы как основы формирования европейского культурного сознания и культурной идентичности.

Ключевые слова: культурный «канон»; концептуальное сознание; коллективная европейская память.

Европейская картина никогда, по сути, не была гомогенной в плане культурного содержания и концептуальной основы данного содержания.

Культурная реальность влияет на сознание, сознание в свою очередь обуславливает формирование и развитие культуры; культура и сознание диалектически взаимосвязаны, но что из этого дуэта играет ведущую партию? Или в данной концептуальной связке оба компонента равноправны (и равнообязанны)? Это представляется чрезвычайно важным при решении следующих злободневных вопросов: «Что составляет концептуальную основу (“грамматику”) лингвокультурного ландшафта современной Европы? Что лежит в основе европейского культурного сознания и коллективной памяти?».

Изучение теоретических концепций и «практического» материала в рамках обозначенных проблем является предметом нашего исследования в данной статье.

Современная Европа базируется на первоначально созданном общем рынке Европейского сообщества угля и стали (ЕОУС). Именно данное сообщество послужило первичным ядром будущего Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которое в дальнейшем, как известно, было преобразовано в Европейский союз.

Примечательным в контексте постановки нашей проблемы представляется утверждение, приписываемое экономисту Жану Моне, который в 1952–1955 гг. был президентом высшего органа власти ЕОУС. Его несколько апокрифичное, но соответствующее идеям автора и «от-

цов-основателей» единой Европы высказывание гласит: «Если бы мне суждено было начать все заново, я начал бы не с общего рынка, а с культуры». Следовательно, именно культура, на его взгляд, должна выполнять важнейшую объединительную функцию в нестабильном и «многострадальном» процессе европейской интеграции.

Культуре, безусловно, отводится определенная роль в становлении Европейского союза, о чем можно найти ссылки в Амстердамском договоре 1997 г., в разделе XII, посвященном культуре (ст. 151, п. 1–4):

1. Сообщество способствует максимальному развитию культур стран-участниц, учитывая их национальные и региональные особенности и одновременно акцентируя внимание на общем культурном наследии.

2. Действия Сообщества направлены на поощрение сотрудничества между странами-участницами и, в случае необходимости, на поддержку деятельности последних в следующих секторах:

- улучшение уровня знания и распространения культуры и истории европейских народов;

- сохранение и защита значимого для Европы культурного достояния;

- некоммерческий культурный обмен;

- поощрение художественного и литературного творчества, включая сектор аудиовизуальных искусств.

3. Сообщество и страны-участницы сотрудничают с другими государствами и международными организациями, специализирующимися в области культуры, в частности с Европейским советом.

4. Действуя в соответствии с другими положениями настоящего договора, Сообщество принимает во внимание культурные аспекты этих положений с целью, в частности, сохранения и поощрения многообразия культур стран-участниц.

Таким образом, культура призвана способствовать объединению Европы и формированию единого концептуального пространства. В контексте данной целевой установки зададимся вопросами: «Что представляет собой современная Европа? На каких концептуальных “столпах” базируется европейское культурное сознание?».

Особенность европейской культуры через призму исторической памяти

«Откроем» историко-культурную страницу Европы и проанализируем *влияние религии* на становление европейского сознания. Данная проблема представляется чрезвычайно важной в свете последних конфликтов, дискуссий и событий в Европе, вызванных неоднозначной интерпретацией европейскими лидерами роли ислама в современной европейской культуре. Как согласие, так и аргументированные возра-

жения повлекло, в частности, заявление Ангелы Меркель о том, что ислам относится к Германии, созвучное ранее высказанному тезису бывшего президента Германии Кристиана Вульфа о том, что мусульмане относятся к Германии.

Насколько исторически обусловлены данные положения? Критика начинает звучать из «собственных» партийных рядов. Так премьер-министр Саксонии Станислав Тиллих (CDU) в интервью газете «Welt am Sonntag» подчеркнул свое несогласие с приведенным выше тезисом А. Меркель: «Ich teile diese Auffassung nicht... Muslime seien in Deutschland willkommen und könnten ihre Religion ausüben... Das bedeutet aber nicht, dass der Islam zu Sachsen gehört».

По утверждению многих историков, основными маркерами Европы выступают такие ценности, как уважение прав, свободы и равноправия членов общества, а также признание человеческого достоинства как высшей ценности. Таким образом, в объединенную Европу должны входить государства и общества, где данные ценности / маркеры нашли признание и развитие. В этом случае определяющим для ответа на вопрос «Что такое Европа и европейская культура?» служит географический принцип, что, на наш взгляд, является не вполне корректным, ибо в данной ситуации не учитываются культурно-концептуальные особенности Европы, ее традиции и менталитет.

При изучении европейской идентичности нельзя манкировать религиозным влиянием на европейский континент, а именно влиянием христианства с привлечением элементов античной философии и культуры, а также не принимать во внимание их интеграцию в христианскую систему с учетом языковых и территориальных особенностей.

Христианизация Европы, как известно, была обусловлена следующими факторами:

- влиянием римско-латинской культуры на европейский Запад, которая вместе с христианством маркировала религиозную культуру Западной Европы, а также успешной «колонизацией» монахами севера Восточной Европы;
- распространением греческого варианта христианства в Юго-Восточной Европе.

Господству христианства в Европе способствовала также нетерпимость христианского учения по отношению к другим религиям. Необходимо заметить, что интолерантность послужила также причиной раскола внутри самого европейского христианского пространства в начале тысячелетия, что было обусловлено, в основном, различной интерпретацией христианского учения.

Предпосылки раскола возникли еще в конце IV – начале V в. Во время Никейского и I Константинопольского соборов христианство

выглядело относительно единым, но внутренние распри и богословские споры не прекращались.

Отдельного упоминания заслуживают следующие события, которые привели к разделению между христианским Западом и христианским Востоком:

а) Великая схизма 1054 г., когда попытка примирения между латинской и греческой церквами перед лицом общей норманнской угрозы закончилась резким обострением отношений между ними: были взаимно отлучены друг другом константинопольский патриарх Михаил Керуларий и легат римского папы кардинал Гумберт Сильва-Кандидский;

б) Реформация в XVI в., повлекшая за собой образование протестантской церкви.

С течением времени «религиозный образ» Европы приобрел в качестве отличительных маркеров также другие учения, в частности иудаизм, который, несмотря на преследования, играл значительную роль в европейской религиозной истории.

Ислам благодаря османам распространился в Южной Европе и в результате последующего завоевания – в отдельных регионах России.

Таким образом, европейский континент был поделен на три пространства: южное и западное – католическое, северное – евангелическое, юго-восточное и восточное – ортодоксальное (православное). Центр континента – в силу особой ситуации в Германии – представлял собой смешанный религиозный ландшафт. Следовательно, Европу можно рассматривать как *«континент религиозного плюрализма»*, отражавшего, скорее, не раздел на «религиозные блоки» католического и евангелического мира, христианство и ислам, но интеракцию, взаимодействие между ними. И эта интеракция верований маркирует европейский мир также в настоящее время.

Релевантным для нашего исследования является вопрос, насколько взаимосвязана религиозная и культурная маркированность европейского континента? Что понимается под «культурой», когда речь идет о «культурных границах» и «культурных пространствах»?

В данном контексте представляется бесспорным влияние «культы» на «культуру». Например, Барокко в Верхней Баварии или Богемии немыслимо без воздействия католицизма, также как музыку И.С. Баха или Г.Ф. Генделя невозможно понять без их протестантских кулис. Православие оказало также бесспорное влияние на культуру Восточной Европы; наиболее ярким вариантом его проявления можно рассматривать искусство иконописи в России, православной духовной музыки и др.

Какую роль играет религия / церковное влияние в Европе на современном этапе?

Как известно, церкви отводится новая важная роль в странах бывшего социалистического содружества, в том числе в России: церкви пере-

полнены, а большинство людей, в том числе молодежь, объявили себя верующими. На наш взгляд, речь здесь идет скорее о *фольклорной составляющей новой идентичности*, поиском которой заняты многие вновь созданные государства / сообщества после распада Советского Союза.

Еще одним немаловажным фактором при поиске коллективной идентичности на современном этапе является обращение к истории своей страны, причем в странах Восточной и Центральной Европы, в особенности в России, данный момент играет чрезвычайно важную роль, поскольку история рассматривается не как прошлое страны, но как фактор, в значительной степени определяющий ее будущее. Достаточно интересными в данном контексте представляются аргументации В.В. Путина на его встрече с историками:

«Мы видим, что предпринимаются попытки перекодировать общество во многих странах, в том числе и перекодировать общество нашей страны, а это не может быть не связано с попытками историю переписать, причесать ее под чьи-то геополитические интересы. А история – это наука, ее нельзя, если к ней серьезно относиться, невозможно переписать...

Действительно, народ с искаженным представлением о собственной истории легко становится объектом манипуляции в руках тех, кто хочет сбить его с толку...

...По настоящему отстаивать свои ценности, бороться за национальные интересы в мире можно только в том случае, если ты хорошо знаешь свою историю – причем не в переводе с английского, а как историю русской цивилизации, написанную с русскоцентричной точки зрения. Не историю самого лучшего или избранного народа на Земле – а историю твоего народа, написанную им самим...».

Подчеркивая важность исторических знаний для формирования культурной идентичности, Путин ссылается на Ключевского, который утверждал, что история – не учительница, она ничему не учит. Она надзирательница и наказывает за плохо выученные уроки.

Изучение современной ситуации в Европе подтверждает, что одной из релевантных черт европейцев является уважение к собственным этническим корням, реликвиям, к «наследию предков» и традиционным установкам, на что, собственно, нацелена в настоящее время культурная политика в России.

Как было отмечено выше, сознание европейцев изначально маркировано религиозными учениями. Какие бы изменения ни происходили в пространстве религиозного опыта, все они, как правило, были обусловлены стремлением обнаружить истинные основания человеческого бытия, что характерно для всей культурной истории Европы и, по всей видимости, останется релевантным маркером нового мультикультурного сознания в современной Европе.

«Европейский канон» как базовая константа концептуального европейского сознания и культурной идентичности

В современной Европе с учетом многочисленных миграционных потоков и безуспешной политики «мультикульти» назрел вопрос об основе определения и формирования европейской идентичности.

Культурная идентичность вообще и европейская в частности отнюдь не является по своему содержанию «однотонным» гладким полотном, но, скорее, «лоскутной» мозаикой, ибо ее формирование обусловлено влиянием различных религиозных, культурных, исторических и социально-политических феноменов, что позволяет говорить о европейской культурной «мультиидентичности».

На конференции INST в Вене в 2003 г. доклад автора о релевантности культурных и исторических концептов для формирования / сохранения европейской культурной идентичности вызвал резкое неприятие данных идей у «младоевропейцев» – представителей научных кругов Польши, Румынии, Болгарии, Чехии, Венгрии; их самым весомым контраргументом было утверждение «Мы – европейцы, культурные концепты и культурная идентичность – это штампы национального шовинизма». Наш аргумент о том, что «при сравнении с Америкой, Азией и др. оправдано говорить о единой европейской культурной идентичности, но внутри Европы право на сохранение и существование имеют немецкая, польская, русская и другие культурные идентичности», услышан и акцептирован не был.

Однако ситуация изменилась спустя несколько лет, и на Венской конференции INST в 2007 г. была предпринята серьезная попытка определить основу формирования европейской культурной идентичности с опорой на национально-культурные концепты.

Самыми распространенными и дискутируемыми в настоящее время остаются вопросы многоязычия, мультикультурализма и определения «канона», которые затрагивают как культурное, так и политическое и экономическое устройство Европы [1, 2].

Вопрос о европейской идентичности является, бесспорно, значимым для дальнейшего успешного функционирования всей структуры общеевропейского сообщества, ибо напрямую связан с определением и сохранением культурного наследия и формированием европейской коллективной памяти [3].

Закономерными представляются в этой связи следующие вопросы: «Существуют ли общие для всех стран культурные ценности, которые могут быть объединены в “европейский” канон? Каков этот “европейский” канон, что лежит в его основе?» [4].

Решение данных вопросов должно было способствовать центростремительному движению в противовес бесконечным центробежным

импульсам, которые являются естественным следствием как разного исторического опыта, несформировавшихся общих обычаев и убеждений, так и чрезвычайно разнообразной «языковой мозаики» в Европе.

Как показывает изучение более чем десятилетнего опыта решения данной проблемы, ее сложность заключается в традиционном делении Европы на Западную, «старую» Европу с определяющим культурным весом, и Восточную, имеющую ограниченный культурный вес.

Многочисленные конференции и симпозиумы объявляли своей основной целью определение границ и критериев создания «новой» Европы, в основе которой должен лежать обновленный «канон».

К числу бесспорно релевантных в данном контексте стоит отнести конференцию «Европейские границы. Предложения по общеевропейскому строительству», которая была организована в Неаполе в 2002 г. с участием многих авторитетных представителей Европейского союза. В выступлении Романо Проди (в то время председателя Еврокомиссии) была отражена точка зрения Евросоюза по данному вопросу: контуры будущей единой Европы должны охватить юг, в то время как ее восточные рубежи останутся четко «зафиксированными» на границе с Россией.

Истоки данной идеи обнаруживаются в выступлении социолога и политолога Ральфа Дарендорфа на съезде немецких историков (Deutscher Historikertag) в 1992 г., где он утверждал, что Россия и другие страны, находящиеся под влиянием православной церкви, не являются частью латинско-римского «Civil Society», иными словами, частью Европы.

В качестве контраргумента можно привести мнение византиниста Карла Крумбахера: «Тот, кто сегодня знаком с германскими и романскими языками и свойственной им культурой, но остается глухим в отношении славянского мира, показывает недостаточность собственного духовного образования, он не в состоянии как видеть вещи в их совокупности, так и судить об исторических связях, политических, религиозных и социальных течениях, литературном и художественном движении нашего времени» [5. С. 105].

Анализ наиболее репрезентативных теорий и концепций в сфере культуры и литературы позволяет выявить наличие явной диспропорции в пользу греко-римской, а также романской и германской традиций, которая сочетается с более чем скромной оценкой восточноевропейской традиции, что подтверждает идеологическую теорию о Европе, априорно разделенной на романскую и германскую части и «славянский мир».

В русле данной традиции позиционируется книга Э. Френцель «Сюжеты мировой литературы» («Stoffe der Weltliteratur»), в которой кратко описаны и литературно обработаны почти триста сюжетов

(Stoffe) и мотивов, относимых автором к «европейскому достоянию» / «канону», из которых только четыре сюжета связаны со славянским регионом.

Россия представлена двумя историческими персонажами: Лжедмитрию автор посвящает немногим более трех страниц (причем к статье о нем отсылаются также имена Бориса Годунова и Фёдора Иоанновича) и Петру Великому отводятся почти четыре страницы (к статье о нем отсылаются имена его сына царевича Алексея и Екатерины Великой).

Украину представляет Мазепа, описание образа которого занимает чуть более страницы.

Все наследство Богемии представлено Сагой о принцессе Либусе (Libussa), которой посвящены две страницы текста. Здесь также содержится указание на сюжет о легендарной раннесредневековой польской принцессе Власте.

К списку стран, внесших свой вклад в формирование европейского канона, отнесены Венгрия с героической историей графа Миклоша Зриньи (1508–1566) (менее одной страницы) и Албания с эпосом о Георгии Кастриоти (1405–1468), известном под именем Искандер-бея или Скандербега (ему посвящены три страницы).

Опираясь на достаточно иллюстративный количественный маркер, подчеркнем, что наиболее рельефные словарные статьи посвящены таким историческим деятелям и литературным героям, как Елизавета Английская, Ифигения, Жанна Д'Арк, Наполеон, Гамлет, Агасфер, Дон Жуан, Моисей, Филипп II Испанский, Тристан и Изольда и др.; так, тексты о Нибелунгах и Одиссее занимают семь страниц, о Фаусте, Карле Великом и о завоевании конкистадорами Мексики – восемь.

Следовательно, согласно авторской концепции, корни европейской культуры четырех веков (т.е. в период, охватывающий позднее Средневековье и начало Нового времени), «подпитываются» питательной средой Древней Греции, Англии, Италии, а также Испании, Франции и Германии; славянский мир, по мнению Э. Френцель, оказывает минимальное воздействие на зарождение и развитие европейской культуры.

Достаточно интересный вариант европейского «канона», вызвавший продолжительную дискуссию по данному вопросу, предложен Харольдом Блумом в книге «Западный Канон» («The Western Canon») [6]¹. Согласно оригинальному утверждению Х. Блума, канон, если он «базируется на свободной, индивидуальной и уединенной беседе с литературными произведениями», стремится преодолеть «страх небытия» и «обрести бессмертие», что идентично «искусству памяти»².

Западный канон, по мнению исследователя, представляет собой не зависящую от политических или идеологических направлений *устойчивую систему*, в центре которой располагается Шекспир; при этом автором допускается возможность, что место рядом с Шекспиром

может «занять» Данте. Шекспир, по утверждению Блума, является «наиболее оригинальным из всех известных нам писателей», в силу чего все остальные как предшествующие, так и последующие авторы «имеют право» занять место в каноне в последовательности, обусловленной их «диалектической связью с Шекспиром» [6].

Причем все жившие после Шекспира писатели, по мнению Блума, хотя и стремятся освободиться от его влияния, никогда не смогут «превзойти творений великого Шекспира», ибо «Шекспир <...> есть более значимая для западной культуры фигура, нежели Платон и Аристотель, Кант и Гегель, Хайдеггер и Витгенштейн» [Там же].

В предложенном каноне совершенно ожидаемо превалирует именно англо-американский Парнас. Мерилом для характеристики авторов, писавших на других языках, служит для Х. Блума также Шекспир. Из представителей других литератур автором включен в канон Ибсен как «несомненно, главный драматург, рожденный в Европе после Шекспира» [Там же] и Л.Н. Толстой.

Почему автором был включен в его «канон» как представитель «национального русского канона» именно Л.Н. Толстой, но не Достоевский, Пушкин, Чехов и другие русские классики?

По мнению Х. Блума, Л.Н. Толстого «следует читать наряду с Гомером, Ягвистом, Данте и Шекспиром», ибо это «возможно, единственный со времен Возрождения писатель, способный бросить им вызов», который также попытался, хотя и безуспешно, отвергнуть Шекспира. Свой постулат Блум пытается обосновать анализом одного единственного произведения Л.Н. Толстого – повести «Хаджи Мурат», «гомеровской по воссозданию обстановки, шекспировской по обрисовке характеров», в которой «старый шаман (т.е. Толстой. – Т.Я.-Ф.) соперничает с Шекспиром» [Там же].

Как представляется, Блум пытался по возможности справедливо оценить творческую силу и художественную оригинальность писателей, однако культурное воздействие их произведений, их репрезентативность и запечатленность в культурной и коллективной памяти были критиком выпущены из виду, ибо влияние Ф.М. Достоевского на западноевропейскую философскую мысль, литературу и искусство, несомненно, глубже, чем влияние Л.Н. Толстого. Спорным представляется также выбор Х. Блума, который из богатейшего наследия Л.Н. Толстого предпочел «Хаджи-Мурата», но не всемирно известные романы Толстого «Анна Каренина» и «Война и мир», которые оставили глубокий след в европейском культурном сознании. Чем мотивирован такой выбор? Возможно, тем, что для автора каноничность определяется только «великими стилями», «поскольку они наделены возможностью контаминировать, а контаминация составляет критерий прагматической оценки при формировании канона» [Там же].

Таким образом, канону приписывается Х. Блумом скорее качественная, но не нормативная функция.

Определенный интерес для нашего исследования представляют изыскания известного ученого Хосе Антонио Хуареги. Наиболее репрезентативной в данном контексте является его книга «Европа: тема и вариации» («Europa: tema y variaciones») [8], отразившая взгляды автора на «культуры Европы».

Релевантные для нашего исследования главы «Греко-латинские темы», «Европейско-христианские темы», «Европейские пути Возрождения, Просвещения, барокко и романтизма», «Европейская четверка: Дон Кихот, Гамлет, Фауст и Дон Жуан», «Европейская культурная фауна», «Европейские культурные пейзажи» и другие отражают взгляды Хуареги не только на европейское литературоведение, но и на весь «европейский мир», причем на всю сумму его культурных компонентов: физических и метафизических понятий, философских и логических, политических и юридических концептов, пространственно-временных координат, великих художественных и мыслительных эпох, исторических персонажей и литературных фигур, архетипов коллективного воображения, мифов и символов, этимологии и словообразования и даже алфавита. Анализ лингвистических «своеобразий» изысканий Х.А. Хуареги не входит в задачу нашего исследования, поэтому мы остановимся на культурологическом аспекте.

Культура Европы, согласно взглядам Х.А. Хуареги, базируется на греко-латинской цивилизации и христианстве с опорой на такие базовые понятия, как временное деление календаря и организация пространства, концепция науки, функция искусств и образ человека. По мнению Хуареги, именно «архетипические фигуры» маркируют содержание европейской коллективной памяти: Дон Кихот служит воплощением непреодолимой силы идеалов, Гамлет выступает символом плодотворного сомнения, который не впадает в излишний скептицизм, Фауст олицетворяет вечную борьбу индивидуума, балансирующего между Богом и Дьяволом, а Дон Жуан является выражением силы страстей.

Что касается восточноевропейского ареала, то оно, по мнению автора, не привнесло ничего самобытного в культурное достояние Европы и посему не относится к европейскому «культурному ландшафту», включающего в себя Испанию, Францию, Германию, Италию, часть Греции и южные оконечности Скандинавии.

Концепция Европейского культурного пространства, представленная в «Словаре литературных мифов» («Dictionnaire des Mythes Littéraires») [9], также остается сфокусированной на Западной Европе.

В эту книгу включены различные мифы скандинавского, индийского, китайского, японского и африканского происхождения. В качестве базовых авторы предлагают считать кельтские мифы и сюжеты,

связанные с такими темами, как Голем и ведьмы, Парки, андрогини и Апокалипсис; с данной оценкой соотносится также количество страниц, посвященных этим мифам, – от 20 до 24.

Количественный анализ представленных в «Словаре» статей позволяет выявить следующее: Гермесу посвящены 28 страниц, Одиссею – 31, мифологеме лабиринта – 36; посвященная Дионису статья подразделяется на три части: «Античный Дионис: неуловимое», «Дионис: эволюция литературного мифа» и «Ницше – ученик Диониса», которым в сумме отведено 30 страниц.

Достаточно ограниченной в содержательном плане представляется глава, посвященная образу Ундины, в которой цитируются Ф.Г.К. де ла Мотт Фуке, Э.Т.А. Гофман и композитор Г.А. Лорцинг; вслед за ними упоминаются такие авторы XX в., как Жане Жироду и Ингеборг Бахман. Однако мы не находим ни одной строчки, посвященной русалке – аналогу персонажу из славянского культурного ареала, а также не упомянуты многочисленные литературные, художественные и музыкальные разработки этого образа в славянской культуре.

В данном «Словаре» в принципе отсутствуют статьи, касающиеся мифов и персонажей из славянских стран и Восточной Европы, хотя различные мифологические герои Центральной Африки и Центральной Америки рассматриваются достаточно подробно.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что в России также предпринимаются отдельные попытки создания собственного национального канона без учета европейской интеграции. Так, например, заслуживает отдельного детального анализа достаточно объемный том под названием «Соцреалистический канон» [10], подготовленный коллективом филологов, историков и философов из разных стран под общим руководством Ханса Гюнтера и Евгения Добренко.

Социалистический реализм, рассмотренный авторами с различных точек зрения, представлен как органичная система со своей внутренней логикой. Особую национальную логику выделяет в русской литературе также И. Сухих в книге «Русский канон» [11], ибо литература в России, по его утверждению, является «свидетельством, пророчеством и провокацией», иллюстрацией чему должны служить главы-эссе о А. Чехове, М. Горьком, А. Белом, Е. Замятине, М. Зощенко, А. Фадееве, И. Бабеле, А. Платонове, В. Набокове и М. Булгакове.

Итак, анализ многочисленных попыток создания как «европейского канона» вообще, так и отдельных его национальных вариантов позволяет выявить следующие детали этой проблемы:

1. В рамках поликультурного европейского дискурса более релевантными при поиске общей концептуальной основы могли бы, пожалуй, оказаться музыкальная и визуальная культуры, а не литература, которая по своей природе тесно связана с национальным языком. «Пе-

ренос» приоритетов с вербальной на визуальную и музыкальную сферы, как представляется, обусловлен превалированием данных сфер в так называемой молодежной субкультуре, которая в реальности является единственной культурой, объединяющей поколения молодых людей, причем не только в Европе.

2. Участие в выработке общего канона «малых» или «миноритарных» лингвистических и литературных сообществ, которые остались в стороне от доминирующих культурных парадигм и периодов максимального художественного расцвета, обуславливают главным образом их переводы, в связи с чем не автор – создатель произведения, а переводчик становится как бы «творцом и хранителем» лингвистического достояния данного сообщества. При этом необходимо уточнить, что в процессе формирования и эволюции «молодых» литератур, когда образцы языка оригинала служат источником культурного обогащения для языка перевода, перевод может выполнять функцию катализатора; однако в развитых лингвокультурных сообществах со сформировавшимися национальными культурами переводы могут обусловить опасность подчинения стереотипам доминирующих культур.

3. Заслуженного места в общеевропейском каноне может не найти целый ряд релевантных для «национального канона» фигур, поскольку они не внесли своими концептами или сюжетами вклад в европейское достояние, или они родились раньше / позже эпохи расцвета определенного жанра. Поэтому данные фигуры остаются, к сожалению, на периферии развития центральных линий культурного европейского развития.

Модель мультикультурной и мультилингвистической Европы как базовая константа европейского сознания

Важная роль при формировании общего концепта европейского культурного ландшафта отводилась распространенному в Европе варианту «мультикульти», т.е. модели мультикультурной и мультилингвистической европейской карты.

Проблемы взаимодействия разнообразных европейских языков и различные варианты их разрешения были рассмотрены в рамках конференции «Будущее европейского мультилингвизма в расширенном Европейском союзе» (Вена, 2001), которая была приурочена к общеевропейскому году языков. В заключение участниками конференции был предложен тезис о равноправии в расширенном варианте Европейского союза всех европейских языков вплоть до наречий отдельных малонаселенных анклавов.

Данная идея была сформулирована более реалистично в последующем сборнике докладов конференции «Многоязычие в расширен-

ном Европейском союзе» [12], изданном в 2003 г., где в трех вводных статьях декларировалась первоочередная задача разработки языковой политики «новой» Европы.

Так, в статье «Лингвистические последствия расширения Европейского союза» [13] поддерживалась идея уважения к многообразию культур, религий и языков на основе Хартии основных прав Европейского союза, которая была утверждена в Ницце 7 декабря 2000 г. Также постулировалась необходимость преодоления «евроцентристского подхода в языковой политике», часто «забывающей» о существовании мировых языков, которые официально не признаны ни в одной стране Европейского союза, но в процессе глобализации эти языки приобретают центральное значение: китайский, арабский, хинди. В данном списке отсутствуют русский и бенгальский языки, вполне сопоставимые по своей распространенности с арабским.

Достаточно любопытна статья Франтишека Груши «Многоязычие в Центральной Европе и Европейском союзе. Традиции – опасности – перспективы», где автор подходит к проблеме с теоретической точки зрения и констатирует следующий факт: если язык является одним из основных идентификационных признаков как для индивидуума, так и для сообщества, то языковое многообразие служит часто предметом раздора и препятствует межнациональной коммуникации.

На основе анализа различных моделей прямой или косвенной интеграции Ф. Груша приходит к выводу о «нереалистичности уравнивания в языковых правах всех национальностей» и предлагает достаточно радикальный вариант создания общеевропейского языка (так называемого Euro-Polilekta), который должен быть добавлен к различным национальным, интернациональным, региональным, местным и индивидуальным языкам в их многочисленных конфигурациях. В свою очередь, школьные программы должны гарантировать европейцам четыре уровня лингвокультурной компетенции и обеспечить овладение «Eurolektom», способствующим интеграции, а также межнациональным «Regiolektom», «Natiolektom», «Ethnolektom» или диалектом, которые также должны сохранить различия и идентичность индивида и общества. В этом контексте именно английский язык, по мнению Ф. Груши, имеет большие шансы выполнять функции общеевропейского языка.

В статье Петера Ханса Нельде [14] в качестве дискуссионного объекта рассматривается судьба языков социоменьшинств в будущей единой Европе, для сохранения которых необходима «позитивная дискриминация».

В качестве показательных примеров приводятся централизованная «модель Канады», которая с двумя официальными языками (и множеством меньшинств) представляется более «управляемой», чем Европейский союз с его более чем двадцатью официальными языками

и несколькими десятками языковых меньшинств, и «модель Бельгии», где «территориальный принцип» институционализирует многоязычие и «уравнивает в правах» различные языковые группы.

Культурно-языковая модель Европы, предлагаемая автором, представляется двумя уровнями: европейским (иерархичным) и децентрализованным региональным.

Согласно данной модели «языки меньшинств», не скомпрометированных спорным прошлым или невыполненными политическими обязательствами, заслуживают возможности стать общеевропейским языком общения в большей степени, чем многие известные «языки большинства», такие как, например, английский.

Анализ наиболее репрезентативных в рамках заявленной проблемы концепций позволяет нам выделить следующие вопросы, требующие оптимального решения:

1. Политические решения, декларирующие равные права для всех языков, отрицают в то же время возможность включения в список «европейских» «большие» языки европейской культуры, подобно восточнославянским языкам.

2. Культурный и лингвистический релятивизм, уравнивающий все существующие языки «новой Европы» вне зависимости от созданных ими письменных свидетельств / памятников, ведет к ретушированию центральных линий конвергенции и базовых тематических комплексов, релевантных для формирования европейского сознания.

3. «Распыление языковой мозаики» в «новой» Европе наносит ущерб европейской культурной идентичности и формированию коллективной памяти.

4. Нерешенность вопроса о статусе «больших языков» Восточной Европы (в частности русского), которые, являясь важным средством выражения европейской культуры и способом коммуникации в обширной части Восточной Европы, не входят в число признанных «европейских», приводит как к минимизации культурной и духовной картины Европы и искажению модели общеевропейского самосознания, так и к усилению тенденции к самоизоляции в некоторых «исключенных странах».

Итак, изучение проблемы формирования европейской культурной идентичности и концептуализации европейского лингво-культурного ландшафта в современной Европе позволяет нам сделать следующие выводы.

Для реализации декларируемой Жаном Моне «культурной перестройки» как основы построения единой Европы необходимы такие условия, как:

– отказ европейских стран от разделения на «свое» и «чужое»;

– создание открытого общего европейского культурного пространства, включающего как западноевропейский, так и восточноевропейский культурный ареал;

– формирование европейского сознания и коллективной европейской памяти с учетом «мультикультурного» европейского канона, что является диалектической основой нового европейского концептуально-культурного ландшафта.

Примечания

¹ В работе использован итальянский перевод.

² О дискуссиях вокруг проблем, поднятых Х. Блумом, см.: [7].

Литература

1. **Фесенко Т.А.** Этнокультурная среда и языковое сознание в контексте межкультурных контактов // Международная конференция по функциональной лингвистике : сб. науч. тр. Ялта : Изд-во Таврич. гос. ун-та, 2005. С. 122–126.
2. **Янссен-Фесенко Т.А.** Концептуальные константы креативной языковой деятельности // Реальность, язык и сознание : Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов. гос. ун-т, 2013. Вып. 6. С. 18–31.
3. **Янссен-Фесенко Т.А.** «В начале было Слово...», или О роли индивидуального концептуального пространства в лингвокультурном контексте // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвокультурологии и прагмалингвистики. Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2013. Вып. 2. С. 279–295.
4. **Леушина Л.Т.** Древние языки и современное образование // Язык и культура. 2013. № 4 (24). С. 42–52.
5. **Thiergen P.** Slavica non leguntur? // Univers. Das Magazin der Otto-Friedrich-Universität Bamberg, 2003. № 4: Europas Osten. Bamberger Perspektiven. S. 13.
6. **Bloom H.** Il canone occidentale / A cura di F. Saba Sardi. Milano, 2000.
7. **Гронас М.** Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х – 90-х годов // НЛЮ. 2001. № 51.
8. **Jáuregui J.A.** Europa: tema e variazioni / Trad. di S. Sichel. Milano, 2002.
9. **Dictionnaire des Mythes Littéraires** / Sous la direction du Professeur P. Brunel. Paris, 1988 (Nouvelle édition augmentée).
10. **Супреалистический канон** / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000.
11. **Сухих И.** Русский канон. М., 2001.
12. **Mehrsprachigkeit** in der erweiterten Europäischen Union // Multilingualism in the enlarged European Union / Multilinguisme dans l'Union Européenne élargie / hrsg. von J. Besters-Dilger, R. de Cillia, H.-J. Krumm, R. Rindler Schjerve. Klagenfurt ; Celovec, 2003.
13. **Besters-Dilger J., de Cillia R., Krumm H.-J., Rindler Schjerve R.** Die sprachlichen Folgen der EU-Erweiterung // Mehrsprachigkeit in der erweiterten Europäischen Union / Multilingualism in the enlarged European Union / Multilinguisme dans l'Union Européenne élargie. Klagenfurt ; Celovec, 2003. S. 8.
14. **Nelde P.H.** Die Zukunft hat schon begonnen – Minderheiten im werdenden Europa // Mehrsprachigkeit in der erweiterten Europäischen Union. Klagenfurt ; Celovec, 2003. S. 33.

DIALECTICAL BASIS OF MODERN EUROPEAN “CONCEPTUAL AND CULTURAL LANDSCAPE”

Janssen-Fesenko T.A. Doctor of Philology, Professor, Researcher, Aristotle Institute of Foreign Languages (Bremen, Germany).

E-mail: janssen-fesenko@-online.de

Abstract. This article examines the conceptual framework of modern “linguistic-cultural European landscape”, identifies its distinctive features through the prism of historical memory, as well as study the theoretical concept of the formation of European cultural “canon” as a basic constant of the European concept of consciousness. Stresses the validity of the positioning of Europe as a “continent of religious pluralism”. The conclusion about the need to create models of multilingual and multicultural Europe as a basis for the formation of European cultural awareness and cultural identity.

Keywords: cultural “canon”; a conceptual consciousness; collective European memory.

DOI 10.17223/19996195/29/9